

УДК 338.43

МАГОМЕДХАНОВ МАГОМЕДХАН МАГОМЕДОВИЧ
д.и.н., заведующий отделом этнографии ФГБУН
«Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН»,
e-mail: mkhan@yandex.ru

РАМАЗАНОВА ЗОЯ БУТТАЕВНА
д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела этнографии ФГБУН
«Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН», e-mail: zoya.ram@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИЙ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В НАГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

Аннотация. Цель работы. В статье содержится описание трансформации традиций землепользования в Нагорном Дагестане в досоветский, советский и постсоветский периоды истории, подчеркнута актуальность использования потенциала народного опыта земледелия в целях решения социально-экономических проблем. **Метод.** В результате использования метода сравнительно-исторического анализа установлено, что устойчивость традиций землепользования объясняется не только разнообразием природно-географических зон, хозяйственно-культурных типов и комплексов, подобные которым обнаруживаются и в других горных регионах Кавказа, но и спецификой социальной структуры, первичную основу которой составляли джамааты — самоуправляемые сельские общины. **Результаты работы.** Во второй половине XIX начале XX века земельные отношения оставались традиционными. Царская администрация Дагестанской области осознавала значение местных традиционных порядков землепользования, находила в них много разумного и в целом не разрушала их. Сельская община являлась самодостаточной социально-экономической структурой, которой вплоть до установления советской власти удавалось регулировать земельные отношения в соответствии с собственным сдерживающим имущественное расслоение пониманием социальной справедливости. Жизнь вне своей сельской общины представлялась дагестанцам лишенной естественности бытия, свободы. Колхозно-совхозный строй коренным образом переломил экономические и социальные устои сельских общин. В результате решения проблемы земельной и демографической диспропорций между горными районами и равниной за счет масштабных переселений горцев на равнину более двухсот горных сел и хуторов, большое количество террасных полей, садов, сельскохозяйственных угодий оказались заброшенными. **Выводы.** Проекты по развитию горных территорий, административно-правовые и иные нововведения в практику землепользования должны основываться на научных экспертизах, актуализирующих не только экономическую целесообразность, но и социальные последствия, перспективы сохранения этнокультурной самобытности Дагестана. **Ключевые слова:** Дагестан, землевладение, землепользование, трансформация традиций, экономическая целесообразность, социальный эффект.

MAGOMEDKHANOV MAGOMEDKHAN MAGOMEDOVICH
Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography of FSBIS
“Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC of the RAS”,
e-mail: mkhan@yandex.ru

RAMAZANOVA ZOYA BUTTAEVNA
Doctor of Historical Sciences, Lead Research Associate of the Department of Ethnography of FSBIS
“Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC of the RAS”, e-mail: zoya.ram@mail.ru

TRANSFORMATION OF LAND USE TRADITIONS IN NAGORNOY DAGESTAN: HISTORICAL EXPERIENCE AND SOCIO-ECONOMIC EFFECT

Abstract. The goal of the study. The manuscript contains a description of a transformation of traditions of land use in Nagorny Dagestan in pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods of histo-

ry, emphasizing the relevance of using the potential of public experience of arable farming in order to solve social-economic problems. **The method.** As a result of using the method of a comparative-historical analysis it has been established that the sustainability of traditions of land use is explained not only by the variety of natural-geographic zones, economic-cultural types and complexes that have counterparts found in other mountainous regions of the Caucasus, but also by the specific features of a social structure, the initial foundation of which was made up by jamaats - self-governing rural communities. **The results of the study.** In the second half of the 19th - beginning of the 20th century land relations stayed traditional. Tsar administration of the Dagestan Region realized the importance of local, traditional procedures of land use, found a lot of reasonability in them, and overall, did not destroy them. A rural community was a self-sufficient social-economic structure that up to the moment of establishment of the Soviet government managed to regulate land relations in accordance with their own restricting property-based differentiation understanding of social fairness. Life outside of their own rural community seemed for the residents of Dagestan to be deprived of the normalcy of living, freedom. A collective farm, state farm-based form of government cardinally reversed the economic and social standards of rural communities. As a result of solving the problem of land and demographic disproportions between the mountainous regions and the valley due to high scale resettlements of mountain dwellers in the direction of valley regions consisting of more than two hundred villages and farmsteads, a large number of terrace fields, orchards, arable areas became abandoned. **Conclusions.** Projects of development of mountainous territories, administrative-legal and other innovations in the practice of land use have to be based on scientific expertise updating not only the economic practicability, but also the social consequences, prospects of preserving the ethnic-cultural distinctive character of Dagestan.

Keywords: Dagestan, land ownership, land use, transformation of traditions, economic practicability, a social effect

Введение. Традиции землепользования, земельных отношений принято относить к базовым, определяющим особенности образа жизни общества факторам. Понимание землепользования как традиции, народного опыта освоения среды обитания, как трансформирующейся под влиянием различных факторов нормы позволяет вкладывать в известные правовые, экономические, агротехнические, географические, экологические и иные трактовки понятия «землепользование» новые смыслы, обнаруживать новые исследовательские перспективы.

Земледелие в Дагестане по своей интенсивности и технологическому совершенству академик Н. И. Вавилов относил к мировым достижениям в области хозяйственно-экономического освоения горных ландшафтов [4, с. 54].

Природные условия страны с ее тучными альпийскими пастбищами и плодоносными садами горных долин, с обширными зимними пастбищами на равнине и плодородными приморскими землями позволяли населению, численность которого в пределах исторических границ Дагестана, вероятно, никогда не превышала 3 миллионов человек, обеспечивать себе вполне достойную жизнь. Что касается живописаний о суровости условий жизни в горах и жарких долинах Дагестана, легенд, вроде той, что повествует о затерявшейся под буркой крохотной пашне горца, то все это уже в XIX веке стало приобретать смысл экономических и политических спекуляций.

Традиции землепользования. Сложившаяся в Дагестане система землевладения и землепользования содержала в себе позитивные с точки зрения социальной справедливости начала. Баланс интересов сельской общины (джамаата) и каждого гражданина обеспечивался равными правами совершеннолетнего и психически здорового члена общины на благоприобретение земельной собственности, на пользование сельскими (джамаатскими) земельными угодьями.

Сплочению сельского общества способствовало соблюдение принципа приоритета интересов джамаата над интересами частными, а также преимущественное право малоимущих и бедных на вспоможение за счет вакуфов и закята.

Сельские общины старались не допускать постороннего вмешательства в устоявшиеся у них порядки общественного быта, особенно в сферу землепользования. Порядки эти во второй половине XIX — начале XX века в сущностных своих характеристиках оставались традицион-

ными. И это обстоятельство приходилось учитывать правительству при принятии административных решений. Так, административное деление на сельские общества было осуществлено в пределах исконно принадлежавших им территорий; были созданы выборные сельские управления, суды по шариату и суды по адату, словесные суды и т. д. [3].

По заключению М. А. Агларова, территория джамаата до XIX века являлась сформировавшейся в юридическом смысле собственностью общины. Части общинных территорий (харимы) иногда сдавались в аренду малоземельным общинам, а доходы от этого распределялись между членами джамаата. Каждый член общины являлся совладельцем всей территории и одновременно собственником своей пахотной земли, сенокосов.

Им же обоснован тезис о том, что проблема перенаселенности Нагорного Дагестана в историческом прошлом решалась путем интенсивного ведения земледелия и скотоводства, специализации отраслей хозяйства, развития ремесел, торговли, т. е. практически всеми мыслимыми формами экономики доиндустриальной эпохи [2, с. 150].

При административно-территориальном делении Дагестана царская, а затем и советская власть все же вынуждена была считаться с исторически сложившимся размежеванием сельских общин. Подчеркнем, именно сельских общин, а не этносов. За исключением технологических новшеств, внедренных или освоенных главным образом в равнинных районах, порядок землепользования со времен царизма и вплоть до наших дней сохраняет в себе черты консерватизма и традиционности.

О том, как включение в орбиту российской государственности отразилось на традициях землепользования Дагестана, можно составить полное представление по материалам комиссий по поземельно-сословным отношениям [15]. Действовали эти комиссии более полувека (до 1917 года). Члены комиссии подробно (по округам, отдельным сельским обществам и даже фамилиям) фиксировали состояние земельно-сословных отношений на момент их записи, изучали документы, устные свидетельства, касающиеся землевладения и землепользования, зависимых отношений. Аналогичная работа в целях освещения классовой борьбы в дореволюционном Дагестане была продолжена и в советский период [11, 12, 16].

К концу XIX века основную часть населения Дагестана составляли сельские жители. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года показала, что в Дагестанской области городские сословия составляли менее 4 %, а дворянское сословие — 1,3 % [14, с. 12].

Из 119 923 хозяйств, зафиксированных переписью 1897 года в пределах Дагестанской области, только 3,09 % содержало прислугу. Среди русской части населения Дагестанской области лица дворянского сословия, чиновники и отнесенные к «почетным гражданам» составили 14,3 %, а доля грамотных — 53,9%. Аналогичные показатели по народам Дагестана равнялись 1,5 % и 7,7 % соответственно.

В городах проживало 44 607 человек, или 8,6 % от наличного (517 154 чел.) населения. Доля грамотных по области составила 9,2 %, в том числе в городах — 24,8 %. [14, с. 12–17]. На полумиллионное (517 154 чел.) в 1897 году население Дагестанской области всего 52 826 человек грамотных даже для того времени — показатель невысокий. Однако из анализа материалов той же переписи 1897 года следует, что среди мужчин-дагестанцев в возрасте от 20 до 60 лет примерно каждый четвертый был грамотным. Если принять во внимание и то, что в Дагестанской области на момент переписи 1897 года работало 116 человек с высшим, 182 — со средним специальным, 1401 — с общим средним, 5 — с высшим и 236 человек с средним военным образованием [14, с. 12–17], то картина состояния образования в крае предстает не очень мрачной.

По подсчетам Ш. Г. Магидова, в 1924 году в Дагестане было 2000 мусульманских школ, в которых обучалось 50 тысяч учащихся, и 151 светская школа с общим числом учащихся 10 721 человек [9, с. 92]. По сведениям Г. Ш. Каймаразова, на 1924/25 учебный год в Дагестане насчитывалось 211 светских школ с 16 783 учащимися [8, с. 190].

Приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что советская власть, осуществляя в Дагестане культурную революцию, имела дело отнюдь не с бесписьменными народами и сплошной неграмотностью.

На основе анализа материалов переписи 1897 года, сельскохозяйственной переписи

1917 года, других статистических и архивных сведений Г. Г. Османов пришел к выводу о слабой социальной дифференциации населения Дагестана накануне революции. «Буржуазия как класс, как конкретная политическая сила, — писал он, — в конкретных условиях Дагестана стала складываться позднее пролетариата..., не имея достаточного опыта, капиталов и знаний, она вплоть до революции оставалась сравнительно слабой политической силой, ... представлена она была иностранной, русской и другой буржуазией» [11, с. 141].

По данным на 1913 год, в Дагестанской области к сословию помещиков принадлежало 0,7 % населения. Характерными для российских губерний поместьями «помещики» не владели. Хотя в их собственности находилось 28,1 % всей земельной площади Дагестанской области, это были в основном пастбища в равнинных районах [7, с. 220].

По заключению Г. Г. Османова: «Основным типом хозяйства и основным собственником средств производства в горном Дагестане накануне революции... было мелкое крестьянское хозяйство, имеющее от 25 до 100 овец, до двух голов рабочего скота и до 0,5 десятины земли». По его подсчетам, мелкие крестьянские хозяйства составляли 59,9 % всех хозяйств, «в их руках находилось 69,5 % крупного рогатого скота, 65,1 % всех овец и коз... на долю мелкокрестьянского уклада в горах приходилась... подавляющая часть всего населения и свыше 2/3 всего сельскохозяйственного производства» [11, с. 129–130]. На основе этих данных Г. Г. Османов пришел к выводу о преобладании в Дагестане «среднего класса», представленного главным образом узденями.

С установлением советской власти изменились экономические и политические основы социальной структуры общества.

Ликвидировав частную и общинную собственность на землю, советская власть, колхозно-совхозный строй коренным образом переломили экономические устои жизни и самоуправления сельских обществ [10]. Последствия коллективизации сельского хозяйства и «ликвидации кулачества как класса» для Дагестана с его преимущественно сельским населением хорошо известны. Тысячи семей были лишены имущества и права голоса, высланы за пределы родных сел или за пределы Дагестана. Неизбежные при колоссальном, охватившем шестую часть планеты социально-экономическом эксперименте моральные издержки, выразившиеся, в частности, в отношении к колхозной земле как к «ничейной», имели место и в Дагестане. Тем не менее дагестанцы, принужденные репрессиями смириться с потерей частных, «отцовских» земель, все же продолжали сохранять сознание и понимание вековечности территории своего джамаата.

Этнические границы. В досоветском Дагестане переселение из одной сельской общины в другую носило эпизодический характер и осуществлялось на условиях безусловного принятия новыми поселенцами порядков принимающей общины, иначе говоря, на условиях добровольной «натурализации» и ассимиляции второго-третьего поколения в новой среде.

«В Дагестане, — подчеркивает М. А. Агларов, — не было и не могло быть национальных или этнических границ, — их заменяла густая сеть границ территориальных владений сельских обществ, их союзов, феодальных образований, что составляло отдельную, жизненно важную реалию этнической, политической и правовой культуры... Были и, можно сказать, весьма часто, конфликты и даже военные столкновения между обществами за неприкосновенность их общинных территорий. Межэтнических войн или вооруженных столкновений история Дагестана не фиксирует. Если случался конфликт между двумя общинами, принадлежавшими разным этническим образованиям, он погашался обычными методами по праву и соглашениям, без заступничества «за своих» со стороны этносов» [1, с. 24–25].

Внедрение в общественное сознание советской концепции национальных отношений с ее известной абсолютизацией этнической территории как условия формирования и атрибута (компонента) «нации», восприятие таких категорий, как «наша земля», «чужая земля» и т. п., стало приобретать несколько иной, «этнополитический» оттенок. Тем не менее отмеченная М. А. Агларовым традиция решать земельные и иные споры безотносительно к этнической принадлежности вовлеченных в них сторон все же сохранилась. Благодаря посредничеству «нейтральных» общин (джамаатов) и авторитетных духовных лиц, правительству Дагестана до сих пор удается повернуть поземельные конфликты в обычное (не межэтническое) русло.

Миграции. До начала XX века основная масса населения Дагестана была расселена в сель-

ской местности, в пределах территорий «своих» сельских общин. XX век в демографической истории Дагестана отмечен принудительными и добровольными переселениями, которые существенно изменили этническую палитру географии Дагестана.

С первых лет установления советской власти в Дагестане началось вмешательство властных структур в естественный процесс миграции населения с гор на равнину. В 1923 году при Наркомземе ДАССР был создан переселенческий отдел, в компетенцию которого входило стимулирование «переселенческого движения», выделение с этой целью ссуд, земельных наделов и другие организационные вопросы.

С конца 1950-х до 1980-х годов в равнинные районы Дагестана было переселено более четверти миллиона человек, создано 75 новых населенных пунктов и примерно столько переселенческих кварталов возникло в целом ряде старых равнинных сел (Аксай, Костек, Муцалаул, Ботаурт, Чонтаул, Нечаевка, Покровское, Могилевское и др.).

В результате «регулирования» демографического и земельного дисбаланса между горными и равнинными районами путем форсированного переселения горцев на равнину власти Дагестана ожидали получить процветающую экономику и «интернационализацию общественной жизни». Наряду с экономическими последствиями такой политики республика получила неизбежные при столь масштабном демографическом эксперименте социально-экономические проблемы в горах и поземельные конфликты на равнине. Усугубило положение и то, что к 1980 году большая часть равнинных колхозов была преобразована в совхозы [6, с. 90]. Последние привлекали жителей экономически неблагополучных горных районов гарантированной заработной платой, перспективой получить более высокую, чем в колхозах пенсию, благоустроенностью совхозных поселков, наличием «городских» услуг, предоставлением временного жилья и т. д. Рабочие совхозов в отличие от колхозников не имели права (решением общего собрания) исключать кого-либо из своего коллектива или принимать в него «со стороны», а потому не могли влиять на рост народонаселения совхозных поселков за счет переселенцев.

Сегодня весь равнинный Дагестан — от Самура до Ставропольского края и Калмыкии — предстает перед нами как сплошная зона этнического смешения и эпизодических конфликтов, которые возникают в основном по двум причинам: из-за «несправедливого» распределения земельных участков между «первопоселенцами» и «переселенцами» или в связи с выдвигениями (назначениями) на руководящие должности. Трения и инциденты на этой почве широко освещаются в СМИ и научных публикациях как «межнациональные отношения» или «межэтнические конфликты», хотя корни последних лежат отнюдь не в этнической плоскости.

М.-З. О. Османов в своей монографии, посвященной закономерностям развития и трансформации, «вымывания традиционных форм» хозяйствования в Дагестане в советскую эпоху, отмечал, что колхозно-совхозный строй отлучил крестьянина от земельной собственности и тем самым отучил его от настоящего труда, вкладывания в этот труд души творчества, от здравого смысла, от умения самостоятельно организовать свое хозяйство, реализовать свои возможности. «В результате такая категория, как "трудолюбивый горец", стала весьма относительной, и сейчас трудно представить, что грандиозные террасы в горных долинах создавались еще сравнительно недавно предками нынешней молодежи. Крестьяне отвыкли от ручного труда, горцы забрасывают уголья. Кроме того, экономическая несоизмеримость производительности труда и, соответственно, стоимости местной и равнинно-городской рыночной продукции (например, зерна) также способствует сокращению собственного хозяйства, неприятию физического труда, упованию на заработки на стороне» [13, с. 210].

Дагестан — это светская республика. Закрепленные в Конституции базовые параметры светскости, равно как и социальная структура, образовательный и культурный уровень Дагестана, — все это вполне сопоставимо с социально продвинутыми регионами России. Современное дагестанское общество структурировано на гражданских, светских основаниях. Вместе с тем в сознании большей части дагестанцев, в том числе горожан, смыслы и значения территории «своих» сельских общин (джамаатов) остаются в целом традиционными. Так, например, в ряде сел Нагорного Дагестана сельхозкооперативы, крестьянские фермерские хозяйства стали существенным фактором социальной напряженности и вероятных конфликтов по той причине, что создавались и создаются они не на личных (в массе своей заброшенных) земель-

ных наделах, а на общинных (джаматских) землях (харимах).

Выводы. Социально-экономические катаклизмы новейшего времени, массовые переселения горцев на равнину, форсированное формирование городского населения [5, с. 247–259] радикально изменили экономическое и демографическое положение Дагестана.

Наблюдаемый в последние полтора века рост абсолютной численности сельского населения Дагестана создает иллюзии о неиссякаемом потенциале дагестанского села как демографического ресурса и хранителя традиционных компонентов культуры и быта. Между тем рост численности сельского населения Дагестана ведет не к его «гомогенизации», а к еще большему этническому смешению. Сегодня две трети населения Дагестана живут в городах и равнинных районах республики. Часть территории Предгорного Дагестана и весь Приморский Дагестан — от Самура до границ со Ставропольским краем и Республикой Калмыкия — предстает перед нами как сплошная зона смешения народов, языков, культур. Все это способствует интенсивной утрате родного языка не только в городах, но и в сельской местности, где обычно подобные процессы носят замедленный характер. В этих условиях горные территории пока еще играют ключевую роль в сохранении этноязыкового многообразия и культурной идентичности дагестанцев. Поэтому методы и механизмы развития горных территорий, особенно в такой общественно значимой сфере, как землепользование, актуально определять на основе междисциплинарных научных экспертиз, в которых учитываются не только экономические целесообразности, но и социальные последствия, перспективы сохранения этнокультурной самобытности Дагестана.

Вопреки перипетиям советского времени в народной памяти отложились сведения о границах территории «своего» села, джамаата, о том, когда и какой фамилии принадлежал тот или иной участок земли до коллективизации. И это обстоятельство служит серьезным предостережением от осуществления в Дагестане земельных реформ земли по неадаптированным к местной специфике моделям и схемам.

Литература

1. Агларов М. А. Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане // *Научный мир*. — 2007. № 2(4). — С. 24–25.
2. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — нач. XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). — М., 1988.
3. Агларов М. А., Магомедханов М. М. Из имперского опыта управления Кавказом // *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения*. — М., 2014.
4. Вавилов Н. И. Мировые очаги (центры происхождения) важнейших культурных растений // *Избранные труды*. — Т. 2., М.-Л. — 1960.
5. Ибрагимов М. Р. А., Магомедханов М. М. Этнодемографические аспекты формирования городского населения Дагестана (вторая половина XIX — начало XXI в.) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. — 2009. — № 1.
6. Искендеров Г. А. История совхозного строительства в Дагестане (1920–1980 гг.). — М., 1982.
7. История Дагестана. Т. III. — М.: Вост. лит., 1968.
8. Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989.
9. Магидов Ш. Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979. — С. 92.
10. Магомедханов М. М. Дагестанцы: вехи этносоциальной истории XIX–XX вв. Махачкала, 2008.
11. Османов Г. Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М.: Наука, 1984.
12. Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965.
13. Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху. Закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002.
14. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 62. М., 1905. — С. 12.
15. Феодалные отношения в Дагестане XIX — начале XX в.: Архивные материалы. Сост. Х. М. Хашаев. М.: Наука, 1969.
16. Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

References:

1. Aglarov M. A. Istoricheskie korni mezhetnicheskoj tolerantnosti v Dagestane // *Nauchnyj mir*. 2007. No. 2 (4).
2. Aglarov M. A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII nach. XIX v. (Issledovanie vzaimootnosheniya form hozyajstva, social'nyh struktur i etnosa). M., 1988.
3. Aglarov M. A., Magomedkhanov M. M. Iz imperskogo opita upravleniya Kavkazom // *Rossijskij Kavkaz: problemy, poiski, resheniya*. M., 2014.
4. Feodal'nye otnosheniya v Dagestane III- nachale HKH v.: Arhivnye materialy. Sost. H.M. Hashaev. M.: Nauka, 1969.

5. Hashaev H.M. *Obshchestvennyj stroj Dagestana v XIX v. M., 1961.*
6. Ibragimov M. R. A., Magomedhanov M. M. *Etnodemograficheskie aspekty formirovaniya gorodskogo naseleniya Dagestana (vtoraya polovina XIX - nachalo XXI v.)// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. 2009. No. 1.*
7. Iskenderov G. A. *Istoriya sovhnogo stroitel'stva v Dagestane (1920–1980 g.). M., 1982.*
8. *Istoriya Dagestana. T.III. M.: Vost. lit., 1968.*
9. Kaymarazov G. SH. *Prosveshchenie v dorevolucionnom Dagestane. Mahachkala, 1989.*
10. Magidov SH. G. *Osushchestvlenie leninskoj nacional'no-yazykovej politiki na Severnom Kavkaze. Mahachkala, 1979.*
11. Magomedhanov M. M. *Dagestancy: vekhi ehtnosocial'noj istorii XIX-XX VV. Mahachkala, 2008*
12. Osmanov G. G. *Genezis kapitalizma v sel'skom hozyajstve Dagestana. M.: Nauka, 1984.*
13. Osmanov G. G. *Social'no-ehkonomicheskoe razvitie dagestanskogo dokolhoznogo aula. M., 1965.*
14. Osmanov M.-Z. O. *Hozyajstvenno-kul'turnye tipy (arealy) Dagestana v sovetskuyu ehpu. Zakonomernosti razvitiya i transformacii, vymyvanie tradicionnyh form. M.: Nauka, 2002.*
15. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Vyp. 62. M., 1905. S. 12.*
16. Vavilov N. I. *Miroviye ochagi (tcentry proiskhozhdeniya) vazhnejshih kul'turnyh rastenij. // Izbrannye trudy. T. 2, M.-L., 1960.*